

Въ то самое время, когда Кеппенъ познакомился въ трагильванскомъ путешествіи съ нѣкоторыми особенностями живого болгарскаго языка, Вукъ Караджичъ издалъ въ Вѣнѣ (1822 г.) свое дополненіе (Додатакъ) къ названному выше Екатерининскимъ Словарямъ. Дополненіе Караджича сдѣлалось немедленно извѣстнымъ русскимъ ученымъ, они правильно оцѣнили его значеніе и, по свидѣтельству Кеппена, Додатакъ былъ принятъ лигвистами въ Россіи „съ надлежащей благодарностью, какъ первое сочиненіе о болгарскомъ языкѣ“. Востоковъ, получивъ экземпляръ его отъ Кеппена, отмѣтилъ заслугу Вука, который первый подалъ намъ „свѣдѣніе о болгарскомъ нынѣшнемъ нарѣчіи“. Онъ давно хотѣлъ познакомиться съ живымъ болгарскимъ языкомъ и усмотрѣлъ въ Додаткѣ „новое и важное пособіе какъ для грамматики, такъ и для словаря славянскаго“. Вукъ Караджичъ въ своей вводной къ дополненіямъ статьѣ не только призналъ великую заслугу просвѣщенной императрицы, давшей всѣмъ любителямъ языкознанія возможность пріобрѣсти хоть нѣкоторыя свѣдѣнія о славянскихъ языкахъ, указалъ не только на эту „общую пользу“ и значеніе Словарей, но коснулся и спеціальнаго значенія ихъ: Словари открыли сербамъ глаза на ихъ языкъ и отвели ему подобающее мѣсто въ славянской семьѣ. „Срби се,—говорилъ Караджичъ,—и данашњи дан препиру и инате, имају ли језик, или немају; а највећа царица свога времена и најзнаменитија свију времена, још прије 30 година, пореди Спрски језик са својим језиком“. Онъ сдѣлалъ къ Словарямъ весьма цѣнное дополненіе: къ словамъ „русскимъ, илирійскимъ и сербскимъ“ онъ присоединилъ болгарскія слова, какъ ихъ слышалъ и записалъ отъ „настоящаго болгарина“ изъ Разлога, а для болѣе основательнаго усвоенія особенностей болгарской рѣчи прибавилъ къ словарику еще образцы ея: два отрывка перевода изъ Евангелія, молитву Господню и 27 болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, полученныхъ отъ другого болгарина изъ Разлога же. По этимъ текстамъ и поясненіямъ къ нимъ Вука наши филологи, уже показавшіе хорошее знаніе древняго языка, въ двадцатые и тридцатые годы могли составить себѣ достаточно ясное представленіе о живомъ болгарскомъ языкѣ.

Въ цѣляхъ насажденія и утвержденія у насъ славянскихъ научныхъ изученій Россійская Академія, съ Шишковымъ во главѣ, ведетъ въ двадцатыхъ годахъ настойчивые переговоры съ чешскими учеными Шафарикомъ, Ганкой и Челаковскимъ о приглашеніи ихъ на службу въ Россію, то въ Академію, то на университетскія кафедрѣ. Переговоры эти не привели ни къ какимъ